

Л. Р. Додыхудоева

К НОМИНАЦИИ МИНОРИТАРНЫХ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ ГОРНО-БАДАХШАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Представлен экскурс в историю вопроса о разработке и введении в практику названий языков народов, населяющих Горно-Бадахшанскую автономную область Республики Таджикистан, в русскоязычной и таджикоязычной литературе в разные периоды новейшей истории. Номенклатура этих миноритарных иранских языков, известных как памирские языки, анализируется в аспекте этнокультурной и языковой политики различных государств. В дополнение рассматриваются номинации ряда местных языков, прослеживаются причины вытеснения одних наименований другими и/или сосуществования вариантов. Представлен лингвистический фон применения данной номенклатуры в России/СССР, Таджикистане и зарубежье. Намечены изменения, приобретшие характер тренда, в трактовке и применении данной терминологии в социополитическом дискурсе, представляющие точки зрения различных субъектов (государственные структуры, представители массмедиа, научная общественность, носители). Описывается диапазон терминов, применяемых ко всей группе и к различным памирским языкам, и эволюция их номенклатуры. Выявляются этапы становления номинаций, в частности вопросы, в какой связи они вошли в практику и как применяются в настоящее время, анализируются причины их разнообразия и сдвига в именованиях.

Намечен абрис некоторых аспектов применения этнонимов и глотонимов, сформированных в советский период в ходе национального размежевания и установления границ, процессов, затронувших иранские и тюркские народы Средней Азии. Особое внимание уделяется термину, обозначающему всю группу, а также ряду других наименований, которыми в настоящее время она обозначается. Институционализированный в советское время в социополитическом дискурсе термин «памирские языки» активно использовался не только в государственной и научной литературе, но и в публицистике и медийном дискурсе. В силу активизации геополитических процессов, актуализации тенденций к переформатированию государственного пространства в Средней и Центральной Азии, и в северной Евразии в целом, его сменил другой термин – «(горно-)бадахшанские языки». Анализ опирается на нормативные документы, официальные заявления политиков и общественных деятелей, а также данные научного дискурса и социальных сетей, связанные с вопросами языковой политики на таджикском, русском и отчасти английском языках. Применяется сочетание социолингвистических методов, направленных на мониторинг современных тенденций в применении номенклатуры, и ретроспективный анализ, позволяющий вскрыть причинно-следственные связи смены языковой номинации в соотношении с экстралингвистическими факторами и верифицировать результаты, выявляя переломные этнополитические моменты, служащие точками разграничения отдельных терминов.

Ключевые слова: *иранские языки, памирские языки, языковое меньшинство, языковая политика, Таджикистан, Горно-Бадахшанская автономная область, Памир.*

Вводные замечания. Историческая справка

Языковая ситуация в Бадахшане, на Западном Памире и в районах Восточного Гиндукуша, где говорят на миноритарных языках, принадлежащих к восточноиранской ветви иранской языковой группы: языки шугнано-рушанской группы (включая сарыкольский), язгулямский, ваханский, ишкашимский и сангличский¹, была определена И. И. Зарубиным как «клубок языков». Эта небольшая группа известна под устоявшимся термином «памирские языки», который отражает социокультурное и историческое единство этих языков по типу ареального союза. В российской традиции памирские языки сначала упоминались как языки-диалекты иранских памирских меньшинств. О применении терминов и статусе различных языковых разновидностей в ГБАО (Додыхудоева, 2000: 170–174).

¹ К этому списку часто добавляют мунджанский и йидга, близкие с этнолингвистической точки зрения. До XIX в. в эту группу входили также исчезнувшие ныне зебакский, старованджский и, вероятно, разновидности, существование которых все еще под вопросом, описанные исследователями как восточноиранские говоры Дарваза и Саргуляма.

Сходство современных памирских языков в плане фонологии, морфосинтаксиса, словообразования и лексики дает основание рассматривать памирские языки как ареальную группу – своеобразный языковой союз. Основными отличительными чертами этого этнолингвистического ареала являются его конвергентное развитие, а также этнографическое единство и специфическая ветвь религии (исмаилизм) носителей языка. Термин «памирские языки» означает наличие вторичного этнокультурного союза в дополнение к генетическим языковым отношениям. Эти языки восходят к ряду древних в настоящее время исчезнувших диалектов восточноиранской группы.

Местное население, занятое по традиции в земледелии и скотоводстве и проживавшее в горных долинах в относительной изоляции друг от друга и от внешнего мира, в течение длительного времени сохраняло особенности языка и культуры.

В непосредственной близости от памирских языков находятся массивы ряда бадахшанских таджикских и дари диалектов (которые относятся к западной группе иранских языков), а также иные иранские и генетически отличные дардские, нуристанские, индоарийские, тюркские языки и язык бурушаски. Все эти языки имеют общие черты в ареальном плане на всех уровнях, а их носители проживают в Памиро-Гиндукушском этнолингвистическом регионе (термин И. М. Стеблин-Каменского) уже более тысячелетия. Во всем регионе имела место ситуация диглоссии, так как эта территория входила в зону влияния персидского языка и культуры и исторически являлась контактной зоной в силу своего расположения в непосредственной близости от Шелкового пути. Благодаря общей культуре и религии, а также персидскому языку, который использовался в таких сферах, как управление, образование, наука, культура и торговля, и как язык письменности, в социокультурном профиле и языках региона сформировалось много общих черт. Все это привело к интенсивному двуязычию с персидским (таджикский, дари), а также к взаимному влиянию памирских языков между собой. В результате в регионе наблюдается феномен, названный И. И. Зарубиным «лексической общностью» (значительная по объему группа слов, общих для всех языков).

Сегодня памирские языки распространены в четырех странах. Носители большей части памирских языков сконцентрированы в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана, а также – в провинции Бадахшан в Афганистане. Отдельные дочерние общины проживают в Китае в Ташкурган-Таджикском автономном уезде и некоторых районах вокруг городов Яркенд и Хотан Синьцзян-Уйгурского автономного района, а также в Пакистане в провинции Хайбер-Пахтунхва (районы Читрал и Гилгит-Балтистан). При этом в Таджикистане и Афганистане официальными (государственными) языками страны являются западноиранские таджикский или дари, в Пакистане – урду и пенджаби, а в Китае – уйгурский и китайский.

В современных условиях глобализации многие носители памирских языков мигрируют в поисках работы и улучшения экономических условий в крупные города Евразии и Америки.

Памирские языки не имеют письменности и письменной традиции и используются в регионе как разговорные и в последнее время практически только в условиях семейного общения. В определенной степени положение всех памирских языков можно назвать уязвимым, а некоторым из них, особенно языкам с небольшим числом носителей, таким как язгулямский, рошорвский и ишкашимский, может грозить исчезновение. Хотя современные процессы цифровизации общества и Интернет, а также жизнь их носителей в транснациональных условиях, предоставивших новые способы использования социального взаимодействия через границы национальных государств, предоставили этим миноритарным языкам новые возможности развития как в местах исхода, так и в виртуальном пространстве.

В таблице 1 представлен диапазон названий всей группы памирских языков, а также приводится номенклатура, применяемая к различным памирским языкам, и эволюция их наименований.

2. К постановке проблемы. Становление номинации

У истоков термина «памирские языки/диалекты» – устоявшегося на сегодняшний день лингвистического термина – стояли пионеры исследования «миноритарных» языков Западного Памира: В. Томашек (Tomaschek, 1880), В. Гейгер (Geiger, 1901) и позднее И. И. Зарубин (1914; 1924), прив. по (Эдельман ЛЭС, 1990).

В англоязычных работах Р. Б. Шоу использовалось обозначение «языки/диалекты гальча» (Shaw, 1876; 1877), однако в более поздних англоязычных исследованиях применялся термин «памирские языки» (Morgenstierne, 1938; Wendtland, 2009). Во французской традиции эти лингвемы изначально именовались «иранскими диалектами» (*dialecte iranien*) (Gauthiot 1916), прив. по (Dodykhudoeva, 2022).

2.1. Термин и его предыстория: языки гальча

Традиционно считается, что научные исследования в области памироведения были начаты в XIX в. британским политическим агентом Р. Б. Шоу, работавшим в Кашгаре, в Китае, а затем в Ладаке (современный Пакистан). В то время интенсивно изучались социокультурная жизнь и религиозные верования этих лимитрофных государственных образований в зоне британско-российских интересов в «Большой игре».

В ходе описания Шоу применил этноним гальча (*yalča*) к весьма географически широкому кругу ираноязычного населения горных областей Матчи, Куляба, Каратегина, Дарваза и Бадахшана (Шугнан, Рушан, Вахан и районов вплоть до Мунджана), которые включали как носителей западноиранских (персидского дари, таджикского), так и восточноиранских языков (1876; 1877)². При этом автор указал, что термин «гальча» – экзоним, это групповое название населения предгорий в тюркских языках; известно также, что данный термин относился к группам, именуемым горными таджиками. Шоу подчеркнул, что все они преимущественно являлись мусульманами-шиитами, указав, наряду с этим, что данное население составляет субстрат Западного Туркестана, где ираноязычные народы смешаны с тюркскими племенами (Shaw 1876: 1). Данная работа стала первой, в которой языки горного населения, включая памирские языки, были объединены, получив единое обозначение, основанное на этнониме, присвоенном населению извне. То же обозначение по отношению к горцам Гиндукуша иранского происхождения встречаем у Биддальфа. При этом автор упоминает, что «жители Гиссара, Дарваза и Каратегина, <...> вероятно, могут претендовать на близкое родство с этой группой, хотя ныне говорят по-персидски или по-тюркски...» (Biddulph, 1880: 158). Позднее В. Гейгер, давший сравнительно-историческое описание памирских языков, дал им определение как *kleine Pamir dialekte*. При этом он упоминает, что общим обозначением ираноязычных жителей горных долин Западного Памира было гальча, производное от *gar* ‘гора, горный хребет’, и добавляет, что оно уже использовалось в 1603 г. Бенедиктом Гоёсом. В интерпретации Гейгера термин понимался как обозначение жителей горных долин Памира, говоривших на восточноиранских наречиях, в отличие от таджикоязычного населения. Тот же термин применял по отношению к этим языкам и Г. Грирсон, включив в эту группу также мунджанский, йидга и ягнобский (при этом упомянув, что некоторые авторы исключают ягнобский из этой группы). По его предположению, ранее данные языки были распространены в Бадахшане значительно шире.

Впоследствии ряд моментов был подвергнут тщательной проверке В. В. Бартольд, который рассмотрел тексты исламского периода, включающие соответствующие термины: *g/γar* ‘гора’, *γarča* ‘горный регион’, позднее приобретший значение *yalča* ‘горец’, а также

² Шоу описал три языковых разновидности под эгидой, объединив их описательным этнонимом, живущих в регионе, и применил это название к их языкам.

Yarč(istan) 'Горный регион' (географическое название независимого княжества в верхнем течении Мургаба, в районе Мерва). По сведениям Бартольда, другие указания на употребление этого термина по отношению к жителям верховьев Амударьи отсутствуют. Эти сведения подтверждают значение *yalča* как «горца» вообще, но не представителя особой языковой группы. В начале XX в. в зоне влияния России в Средней Азии это обозначение приобрело уничижительный оттенок и не было принято для обозначения населения региона впоследствии (Бартольд, 1963).

В советский период ключевую роль в определении таджикской терминологии стала играть политика центральных властей.

2.2. Становление термина «памирские языки»

Обозначение В. Томашека «памирские диалекты» было принято Ленцем и Шёльдом в 1930 гг.

С начала XX в. данная группа языков русского Туркестана интенсивно изучалась российскими учеными. Обширные исследования и полевые работы были проведены во втором десятилетии XX века И. И. Зарубиным, который провел на Западном Памире некоторое время. Изначально он использовал термин «Памир» применительно к территории всего памирского региона, в частности Восточного Памира, где находился русский пограничный отряд. При этом по отношению к местной народной поэзии он применял эпитет «припамирская», чтобы отличить ее от творческой деятельности на персидско-таджикском языке (Зарубин, 1924б), а также к наречиям, на которых она была создана, – термин «памирские диалекты/языки». См., например, его статью «К списку памирских языков» (Зарубин, 1924а). Этот термин широко использовался в русскоязычной традиции XX в. и находит приложение и до сих пор. Он применяется к памирским языкам как общее название всех языков, исторически расположенных в ГБАО и прилегающих регионах. При этом термин «памирские языки» означает языки Западной части Памира как маркер их географического положения, библиографию вопроса см. в (Edelman, Dodykhudoeva, 2009).

В конце советского периода, помимо постановки вопроса о статусе этих языков в ГБАО и введении на них обучения и письменности, остро встали также вопросы этнической и религиозной идентичности.

В постсоветский период наряду с проблемой этнической самобытности в этом многоязычном регионе возник комплекс проблем этнорелигиозной идентификации и качества владения родными языками, а также их статуса и реального положения. В связи с этим термин «памирские языки» рассматривается М. М. Худоёровым в аспекте вопроса сохранения и развития памирских языков и их значения для этнической самоидентификации носителей. Кроме того, автор выдвигает на передний план вопрос родного языка, ставшего важнейшим маркером этнической самобытности у народов Памира, указывая, что вопрос языка, в свою очередь, оказал влияние на ход национального движения за укрепление статуса автономии (Худоёров, 2012: 18). См. также недавнюю работу, в которой используется тот же термин «памирские языки» (Каландаров, 2020).

При этом мы наблюдаем в официальных документах Республики Таджикистан тенденцию к обозначению данных языков по месту их распространения – ГБАО. Ниже мы приводим краткую сводку номенклатуры идиомов, отмеченную в законодательных документах. Таким образом, обозначение «(горно-)бадахшанские (памирские) языки» (*забонҳои Бадахшони Кухӣ (номири)*) было применено в Законе 1989 г. «О языке», а в следующем документе (Закон Республики Таджикистан о государственном языке Республики Таджикистан (2009)), мы встречаем «бадахшанские (памирские) языки» (*забонҳои бадахшонӣ (номири)*). В публикации 2015 г. Государственного комитета по языку и терминологии появляются «(горно-)бадахшанские (памирские) языки» (*забонҳои Бадахшони Кухӣ (номири)*),

«памирские языки» (*забонҳои помирӣ*) или даже «бадахшанские языки» (*забонҳои Бадахшӣ*). Однако в 2017 г. вновь наблюдается активное использование термина «памирские языки», хотя иногда и в сочетании с термином «бадахшанский», например, в записи отчета представителя Таджикистана Рустама Шохмурода, министра юстиции Таджикистана, в Комитет по ликвидации расовой дискриминации. В качестве особенно яркого примера, в записи отчета Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, представитель Таджикистана г-н Менгелиев обозначает всю группу памирских языков единым термином «бадахшанский язык» (*забони бадахш(он)ӣ*), полные сведения с контекстами употребления номенклатуры языков см. в: (Dodykhudoeva, 2022). Как подчеркивается на сайте Комитета по языку и терминологии при правительстве Таджикистана, языки, на которых говорят в ГБАО, являются восточноиранскими. Там же сообщается, что они были условно названы «памирскими языками» (*забонҳои помирӣ*), но в последние годы этот термин заменен на «бадахшанские (памирские) языки» (*забонҳои бадахшонӣ (помирӣ)*)³, иногда просто «бадахшанские языки» (*забонҳои бадахшонӣ*).

Данное заявление демонстрирует, что со временем таджикское государство сменило стратегию наименования этих языков в документах постсоветского периода, с одной стороны, заменив обозначение официальным административным термином, с другой – прибегнув к перечислению каждого языка в отдельности, как, например, указано в первоначальном тексте Конституционного закона Республики Таджикистан «О Горно-Бадахшанской автономной области»: в 5-й статье 1-й главы этого документа указано, что «государство создает условия для свободного развития и использования кыргызского, шугнанского, рушанского, ваханского и язгулямского языков в школах и средствах массовой информации на территории Горно-Бадахшанской автономной области»⁴, см. подробнее (Dodykhudoeva, 2022).

Что касается научного дискурса в связи с Конституционным законом Таджикистана «О Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО)», в книге, посвященной 20-летию независимости Республики Таджикистан, авторы – известные таджикские ученые – анализируют проблемы постсоветского переходного периода и социально-экономические и культурные достижения ГБАО, употребляя термины «памирские языки» и «бадахшанские языки» как взаимозаменяемые (Масов, Пирумшоев, 2011: 250).

Канадская исследовательница К. Фоше, пишущая на английском языке о проблемах памирских народностей и языков, обращаясь к вопросам учебной программы в регионе, а также передачи языков в семейном контексте, также использует термин «памирские языки». При этом она полагает, что идентификация с какой-либо одной из региональных или языковых групп Памира стала менее актуальной, в то время как идентификация с ГБАО и Таджикистаном стала для молодежи региона более значимой (Faucher, 2019: 261, 264). Данное заявление представляется несколько преждевременным или, возможно, справедливым для 2–3-го поколения молодежи, живущей в диаспорах, которая уже потеряла свой родной язык. Однако в гораздо меньшей степени данное утверждение применимо к людям, которые остаются в пределах ГБАО в условиях родных языков и культур. В последние годы благодаря кампаниям по возрождению языков эти миноритарные языки приобрели ценность как этнокультурное наследие, что укрепляет и этническое самосознание памирцев. При этом с введением английского языка в качестве базового элемента учебной программы и широкой сетью центров обучения английскому языку таджикский язык стал менее привлекательным для молодежи, чьи лингвокультурные установки становятся все более транснациональными.

³ www.kumitaizabon.tj/tg/category/badahshoni-pomiri 02.06.2021.

⁴ В последней версии Конституционного закона Таджикистана «О Горно-Бадахшанской автономной области» (2007) вопрос о языках опущен.

Чтобы расширить охват употреблений термина «памирские языки», приведем пример из медиадискурса Русской службы Би-би-си (BBC), популярной в Таджикистане среди выходцев из ГБАО. В репортаже о потере Таджикистаном «древних языков» (современное восприятие памирских и ягнобского языков как лингвокультурного наследия) отмечается, что в Таджикистане был принят закон о языках, устанавливающий особый статус для древних языков Памира и Ягноба. Там же приведено интервью пожилой жительницы ГБАО, всю жизнь прожившей в долине Хуф, которая указала, что, хоть она и изучала таджикский язык в школе, но всегда говорила на «памирском» (Саркорова, 2011). Данный случай являет пример редкого на практике моновязычия, владения только родным языком – местным хуфским наречием, которое жители соседних долин понимают с трудом. При этом при описании языка женщины используется термин «памирский».

Наконец, учитывая, что этническая самобытность является уязвимой конструкцией, нестабильна и подвержена изменениям, можем указать, что в настоящее время представители народов Памира, владея родным русским, таджикским или английским языками, называют себя «памирцами», а свои языки «памирскими».

Как подчеркивается в «Альтернативном отчете о выполнении Таджикистаном...», предубеждение против памирцев «имеет этнические, культурно-языковые, религиозные и политические аспекты», поскольку «памирцы... говорят на своих языках, визуально узнаваемы и в плане культуры отличаются от этнического большинства...»; кроме того, памирцы рассматривают отсутствие государственной поддержки памирских языков, и тот факт, что памирские языки исключены из системы образования и официальной сферы (государственные учреждения, суды, документы) как шаги к преднамеренной постепенной ассимиляции. По словам самих памирцев: «Нет поощрения наших языков ... некоторые начинают считать памирские языки «вторым сортом». Как у нас говорят, «наши языки нужны до аэропорта Хорога, а дальше не нужны» (Альтернативный отчет, 2017: 2, 9).

3. Номенклатура памирских языков

В таблице 1 демонстрируется разброс номенклатуры разных памирских языков и ее эволюция. Мы комментируем некоторые тенденции, прослеживаемые в научном, публицистическом и общественно значимом публичном дискурсе.

Одной из важных тенденций стало то, что памирцы, проживающие за пределами родины, в связи с высокой миграцией предпочитают идентифицировать себя не по гражданству (как указано в их паспорте), а по традиционному обобщенному названию всех жителей Горно-Бадахшанской автономной области – памирцы, а свой родной язык они обычно называют – памирским (во многих случаях это синоним шугнанского языка). Дети, выросшие за пределами районов непосредственного распространения памирских языков, не знают конкретного названия родного языка своих родителей и используют то же собирательное обозначение.

Что касается названий конкретных памирских языков, то они были основаны главным образом – как это широко распространено в иранской традиции – на названиях селений и долин, мест, где живут их носители.

Такими примерами могут быть для шугнанского языка: традиционный автономим *xiŋni* *ziv* или таджикизированный вариант *ŋiŋ(ŋ)i*, эквивалент таджикского *zaboni shughn* и английского *Shughn(an)i*. Краткие формы *xiŋni*, *ŋiŋi* ‘шугнанский (язык)’ производны от этнонима; формы с суффиксом *-ŋi* (из таджикского *on*) образованы от названия местности, Шугнан (*Xiŋni*, тадж. *Шугнон*). Аналогичная тенденция наблюдается в Афганистане для мунджанского языка, известного носителям как *mə/unji ro*, ср. вариант в языке дари *munjāni*.

Местное обозначение язгулямского языка в Таджикистане – *zə(ə)migay(i) zveg* – в последнее время уступает таджикскому варианту *yūzdomi zveg* или кальке с таджикского

zaboni yūzdomī, где название языка происходит от топонима *Yūzdom* ‘Язгулям’, ср. таджикское *забони язгуломӣ*.

Что касается ваханского языка, то традиционное название *ǰikwor zik* ‘ваханский язык’ восходит к этнониму, где *ǰik* – эндоним, а *-wor* – компонент, обозначающий языковую принадлежность. Распространенный экзоним этой группы в таджикском языке – *вахӣ*, поэтому в таджикском дискурсе язык известен как *вахӣ* или *вахонӣ*, последняя форма производна от названия долины Вахан (*Вух*). Для этой языковой разновидности документирован и еще один автоглтоним – «местный язык» (*nyəngin zik*).

Таблица 1

Диапазон терминов, применяемых к различным памирским языкам

Название языка на памирских языках	Название языка по-таджикски/дари	Название языка по-русски	Название языка по-английски
pomeri ziv	забони помирӣ = шугн(он)ӣ	памирский = шугнанский	Shughn(an)i
xuŷn(ũn)i/ šuŷn(ũn)i ziv	забони шуғн(он)ӣ ⁵	шугнанский	Shughn(an)i
riḡen ziv	забони рушонӣ	рушанский	Rushani
bartangi ziv	забони бартангӣ	бартангский	
rošorvi ziv	забони рошорвӣ, орошор(ӣ)	рошорвский	Oroshor, Roshorvi
škošəmi zəvũk	забони ишкoшимӣ	ишкашимский	Ishkashimi
ryni zəvũk, rənigi; rehne (Sic!)	забони ринӣ	ишкашимский, т.е. рынский, язык Рына	Ishkashim
zǰ(ə)migay(i) zveg, yūzdomi zveg	забони язғуломӣ	язгулямский	Yazghulami
ǰik(wor) zik	забони вах(он)ӣ	ваханский	Wakhi
sarikuyi, sarkuli, sariquli, tujik ziv	забони сарик/қолӣ	сарыкольский	Sarikoli, Saryqoli
mə/unji roy, mə/unjiwār, mənĵān zabān, mənĵānī	забони мундж(он)ӣ / дари забāни мундж(āн)ӣ	мунджанский	Munj(an)i
yidya, lutkuh	йидға	йидга	Yidg(h)a

Значительная по интенсивности и объему миграция в пределах Ишкашимского района (куда входят Ишкашим и Вахан) сказалась на утере родного ишкашимского языка большей частью населения и переходу на таджикский или ваханский. В настоящее время в этом районе стало принято называть ишкашимский язык по-таджикски – *рынӣ* или *забони рынигӣ*, что означает «язык Рына». Такое наименование вошло в оборот отчасти потому, что на нем говорят жители только одного селения Рын. Молодые носители ишкашимского языка сами стали называть свой язык по названию селения – *rəni zik* или *rənigi*. Поскольку в этом названии отражен язык только одного селения, оно подразумевает ограниченный географически район использования языка, а носители ишкашимского языка из других мест не принимаются во внимание.

Что касается обозначения памирских языков в Китае, то, согласно официальным документам страны, ираноязычные сарыкольцы и ваханцы вместе обозначаются как единая таджикская этническая группа (*tujik*), китайские таджики или таджики Синьцзяна.

⁵ Зд. под шугнанским понимаются также его разновидности: баджувская, шахдаринская и барвозская.

Что касается названия сарыкольского языка, принадлежащего к шугнано-рушанской группе, существуют варианты: *sar(i)kuli*, *sariquli*. Еще одно интересное наименование, толкование этого названия, основанное на ираноязычной интерпретации «(язык) горцев» (*sar-i kuyi*), мы зафиксировали в ходе полевой работы в Китае в 2010 г.

Знаменательно, что подобно тому, как в Таджикистане можно услышать «памирский (язык)» вместо «шугнанский (язык)», вероятно, поскольку шугнанцы – наиболее крупная по численности группа носителей памирских языков, так и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая обозначение термином *tujik* соотнесено в общественном дискурсе, и даже среди самих носителей этого языка, а также уйгуров, с сарыкольским и его носителями (на сарыкольском языке говорит памирское большинство, по сравнению с менее распространенным ваханским языком).

Такое применение последнего термина приводит к путанице со стандартным таджикским языком (*тоҷикӣ*) и таджиками (*тоҷик*) Таджикистана и во многих случаях в таджикоязычном дискурсе подчеркивается, что эти языки Китая не являются стандартным таджикским языком, а их носители не являются таджиками, но представляют не одну, а две группы памирцев, ваханцев и сарыкольцев. Эти группы первоначально были названы так в Китае, потому что имели иранское происхождение.

Заключение

Итак, наши данные подтверждают, что этнолингвистическая номенклатура меняется в зависимости от политики государственных структур, в частности языковой, и смещения понимания самоидентификации у самих народов Памира, ГБАО, которое в условиях усиливающейся транснациональной миграции получает иной удельный вес.

Прослежен и продемонстрирован диапазон номенклатуры, применяемой к различным памирским языкам, а также эволюция этой номенклатуры.

На основании мониторинга наименований, возникших в политическом и медийном дискурсе Таджикистана, а также на основании применения номенклатуры в научной литературе и публичной сфере социальных сетей дается комментарий тенденций, возникших в современном дискурсе Таджикистана и России. Установлено, что:

- Применение в документах государственных структур Республики Таджикистан, где представлена новая номинация памирских этнических групп и их языков – «(горно-)бадахшанские языки», «языки Бадахшана», то есть обозначение этих идиомов по ассоциации с ареалом их распространения, – повлекло в 1990-х гг. изменения данной номенклатуры в публицистике и медийном дискурсе.

- Отмечен поворот от нейтрального отношения к номинации «памирские языки» к скептическому, а также курс на смену термина. При этом наблюдается тенденция к снижению статуса этих языков, наряду со сведением всей группы языков в одну языковую разновидность – гипотетический «бадахшанский язык».

- В научной литературе, в том числе лингвистической и социолингвистической, а также публичной сфере, представленной социальными сетями и интернет-публикациями, термин «памирские языки» применяется стабильно.

- На основании мониторинга наименований в различных видах дискурса постулируются разнонаправленные тенденции к применению терминологии и их смена в государственном и медийном дискурсах Таджикистана. Отмечено более частое применение термина «(горно-)бадахшанские языки/диалекты», а также «языки Бадахшана» в государственно-административном, публицистическом и медийном дискурсах, однако в научной литературе, не ориентированной на геополитические устремления, сохраняется применение термина «памирские языки».

- Выявляются случаи подмены названий конкретных языков, ведущие к постепенному размыванию и исчезновению отдельных наименований вместе с самим идиомом. В качестве примера можно привести использование общего для всей группы термина «памирские языки» для обозначения одного конкретного языка «памирский язык» в единственном числе (*померив*) как суррогат вместо «шугнанский» или «хуфский» язык.

- Неверное обозначение этнической группы и/или ее языка в официальном и медийном дискурсах на государственном уровне приводит к путанице в номенклатуре и подмене одних терминов другими. На этой основе намечается классификация языковой номенклатуры региона.

Литература:

Альтернативный отчет о выполнении Таджикистаном Конвенции ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации в связи с рассмотрением 9–11 периодических докладов РТ за 2012–2015 гг. Этнические группы Таджикистана, не обладающие своей государственностью (памирцы, джуги, ягнобцы): от непризнания к дискриминации. Для 93-й сессии КЛРД ООН, 31 июля – 11 августа 2017 г. Anti-Discrimination Centre «ADC Memorial». (In English and Russian) (In English and Russian).

Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк. Исторический очерк // Бартольд В. В. Собр. соч. Т. II. Часть I. Москва, 1963. С. 449–468.

Додыхудоева Л. Р. Памирские языки // Языки мира. Иранские языки. 3 М., 1999.

Зарубин И. И. К списку памирских языков // Доклады Российской академии наук. Серия В. Петроград, 1924а. С. 79–81.

Зарубин И. И. Образец припамирской народной поэзии // Доклады Российской академии наук. Петроград, 1924б. С. 82–86.

Каландаров Т. С. Из истории памирских языков: будущее начинается вчера // Вестник антропологии № 2 (50). 2020. С. 68–94.

Пахалина Т. Н. Памирские языки. М.: Наука, ГРВЛ, 1969.

Саркорова А. Таджикистан теряет свои древние языки. Новости ВВС. Русская служба. Душанбе, 2011.

Худоёров М. М. Социально-политические и этнокультурные преобразования на постсоветском Памире: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

Эдельман Д. И. Памирские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Biddulph J. Tribes of the Hindoo Kush. Calcutta, 1880.

Dodykhudoev R. Kh. Die Pamir-Sprachen. Zum Problem der Konvergenz // Mitteilungen des Instituts für Orientalforschung 17, 1971–1972. P. 463–470.

Dodykhudoeva L. R. Nomenclature of the Minority Pamir Languages in Russia and Tajikistan: evolution and rationale. Comparative approaches and categorical configurations. Springer, 2022. (in print).

Edelman D. I., Dodykhudoeva L. R. The Pamir Languages // Windfuhr, G. (Ed.), The Iranian Languages [Routledge Language Family Series]. London/New York: Routledge, 2009. P. 773–786.

Faucher C. Religious education and self-identification among Tajik Pamiri youth. In Identity, History and Trans-Nationality in Central Asia. The mountain communities of Pamir. Routledge Taylor & Francis Group. London, New York, 2019. P. 249–264.

Shaw R. On the Ghalchah Languages (Wakhi and Sarikoli). Journal of the Asiatic Society of Bengal 45, 1876. P. 139–279.

Shaw R. R. On the Shighni (Ghalchah) Dialect. Journal of the Asiatic Society of Bengal 46, 1877. P. 97–126.

Масов Р., Пурумшоев Х. Файзи истиқлол дар «Боми Ҷаҳон». Душанбе: Дониш, 2011. [Итоги независимости на «Крыше мира». Душанбе: Дониш, 2011]. (на тадж.)

Додыхудоева Лейли Рахимовна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Пер. Б. Кисловский, 1, стр. 1, г. Москва, 125009

E-mail: leiladod@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 28 апреля 2022 г.

ON LANGUAGE NAMING IN THE MOUNTAINOUS BADAKHSHAN AUTONOMOUS REGION

This article discusses the history and development of the names of languages spoken in the Mountainous Badakhshan Autonomous Region of Tajikistan as they appear in Russian and Tajik texts. The focus is on the nomenclature of minority Iranian languages known as Pamir languages, including the various names of individual local languages, the reasons for the displacement of some language names by others, and the presence of variants and their coexistence. The article also covers the linguistic and historical background of this nomenclature in Russia/USSR, Tajikistan, and elsewhere, and discusses how changes in the interpretation and application of this terminology, which have acquired the character of trends, are manifested in socio-political discourse. The analysis is based on statutory documents, official statements, scholarly discourse, and social media data related to language policy in Tajik and Russian. The article also examines the use of ethnonyms and glotonyms formed in the Soviet period during the national demarcation of borders and the impact on Iranian and Turkic peoples in Central Asia. The article utilizes sociolinguistic methods to monitor modern trends in language nomenclature and identify retrospective tendencies, revealing the causal relationships underlying changes in language designation in relation to extra-linguistic factors and identifying key ethno-political moments that trigger differentiation of individual terms

Keywords: *Iranian languages, Pamir languages, linguistic minority, language policy, Tajikistan, Mountainous Badakhshan Autonomous Region, Pamir.*

References:

- Alternative Report** on Tajikistan's Implementation of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. Nationless Ethnic Groups of Tajikistan (Pamiri, Jugh, Yaghnobi): From Non-Recognition to Discrimination. In Connection with the UN CERD Consideration of the Republic of Tajikistan's Ninth to Eleventh Periodic Reports for 2012–2015. For the 93rd session of the CERD, 31 July–11 August 2017. 2017. (In English and Russian).
- Bartold V. V.** Tadžiki. Istoricheskiy ocherk // Bartold V. V. Sobranie sochineniy. II. 1. M., 1963. C. 449–468. [The Tajiks. Historical sketch // Bartold V. V. The Complete Works. Vol. II. Part 1. M., 1963. P. 449–468]. (in Russian).
- Dodykhudoeva L. R.** Pamirskie yazyki // Yazyki mira. Iranskie yazyki. 3. M., 1999. [The Pamir Languages // Iranian Languages. East Iranian Languages. 3. M., 1999.] (in Russian)
- Edelman D. I.** Pamirskie yazyki // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M., 1990. [The Pamir Languages // Linguistic encyclopaedic dictionary. M., 1990.] (in Russian).
- Zarubin I. I.** K spisku pamirskih yazykov // Doklady Rossijskoj akademii nauk. V. Petrograd, 1924a. P. 79–81. [On the List of Pamiri Languages // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series V. Petrograd, 1924a. P. 79–81]. (in Russian).
- Zarubin I. I.** Obrazec pripamirskoj narodnoj poëzii // Doklady Rossijskoj Akademii Nauk. Petrograd, 1924b. P. 82–85. [Sample of the Pamir Folk Poetry // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series V. Petrograd, 1924b. P. 82–85.] (in Russian).
- Hudoyorov M. M.** Social'no-političeskiye i ètnokul'turnye transformacii na postsovetском Pamire. Avtoreferat dissertacii na soiskanie učenoj stepeni kandidata istoričeskikh nauk. M., 2012. [Socio-political and ethnocultural transformations in the post-Soviet Pamirs. Summary of dissertation for the degree of candidate of historical sciences. M., 2012.] (in Russian).
- Kalandarov T. S.** Iz istorii pamirskih yazykov: budušee načinaetsâ včera // Vestnik antropologii / Herald of anthropology № 2 (50). 2020. C. 68–94. [From the history of the Pamir languages: the future begins yesterday. In Herald of anthropology № 2 (50). 2020. P. 68–94.] (in Russian).
- Pakhalina T. N.** Pamirskie yazyki. M.: Nauka, GRVL, 1969. [Pamir languages]. M.: Nauka, GRVL, 1969.] (in Russian)
- Sarkorova A.** Tadžikistan teryaet svoi drevnie yazyki. BBC news. Russkaya sluzhba. Dushanbe, 2011. [Tajikistan is losing its ancient languages. BBC news. Russian service. Dushanbe, 2011.] (in Russian).
- Biddulph J.** Tribes of the Hindoo Kush. Calcutta, 1880.
- Dodykhudoev R. Kh.** Die Pamir-Sprachen. Zum Problem der Konvergenz // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung 17, 1971–1972. P. 463–470.
- Dodykhudoeva L. R.** Categorization of Minor Pamir Languages in Tajikistan // Minority languages from Western Europe and Russia. Comparative approaches and categorical configurations. Springer, 2019. P. 81–98.

- Dodykhudoeva L. R.** Nomenclature of the Minority Pamir Languages in Russia and Tajikistan: evolution and rationale // Comparative approaches and categorical configurations. Springer, 2022. (in print).
- Edelman D. I., Dodykhudoeva L. R.** The Pamir Languages // Windfuhr, G. (Ed.), The Iranian Languages. Routledge Language Family Series. London/New York: Routledge, 2009. P. 773–786.
- Faucher C.** Religious education and self-identification among Tajik Pamiri youth // Identity, History and Trans-Nationality in Central Asia. The mountain communities of Pamir. Routledge Taylor & Francis Group. London, New York, 2019. P. 249–264.
- Shaw R.** On the Ghalchah Languages (Wakhi and Sarikoli) // Journal of the Asiatic Society of Bengal 45. 1876. P. 139–279.
- Shaw R. R.** On the Shighni (Ghalchah) Dialect // Journal of the Asiatic Society of Bengal 46. 1877. P. 97–126.
- Masov R., Pirumshoev H.** Fayzi istiqlool dar «Bomi Jahon». Dushanbe: Donish, 2011. [The outcomes of independence in the “Roof of the World”. Dushanbe: Donish, 2011]. (in Tajik).

Dodykhudoeva Leyli Rahimovna.

Candidate of philology, senior research fellow.

Institute of Linguistics RAS.

B. Kislovskij lane, 1, build. 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: leiladod@yahoo.com